

6.6.95.

103
не Свободна, - 1995. - 6 июня. -
с. 5.

Точная наука немецкой сцены

Боннский театр «Шаушпиль» показал в Москве комедию Георга Бюхнера «Леонс и Лена». Режиссер Беат Фэ. На крепкий сатирический стержень были нанизаны и разочарованность молодого поколения, и очарованность власть имущих, и жажда счастья, и невозможность его — счастья — опознания в родных пределах.

Действие разворачивалось на помосте с небольшими квадратными отверстиями, из которых появлялись некоторые части тел героев по мере надобности в них. Таким образом пространство спектакля оказалось поделено твердой режиссерской рукой надвое — на надземную и подземную части буквально, материально и непоправимо.

Милая болтовня отравленного образованием Короля Петера (Вальтер Хесс), мытарства заевшегося Принца Леонса (Джулио Ричарелли), кокетливо-старательная взбалмошность принцессы Лены (Катарина Вальдау), математически выверенная взвинченность шута Валерио (Райнер Кюн) — всё это лихо, хоть и не слишком ладненько, составлялось в некое сооружение, подпираемое снизу таинственным *дополнительным* смыслом и расплющиваемое сверху собственно текстом пьесы. Посреди, между, где-то на уровне последней затихающей ноты актерского голоса, иногда проглядывался ужасно симпатичный мирок крохотных королевств с идеалами, нечаянно-счастливой любовью и т. п. Однако эта идиллия, молниеносно пронесясь в знойном воздухе, затухала тотчас же.

ТИЛО БОЙ

Актеры, азартно считающие секунды до собственного появления *на* сценическом помосте, волею режиссера все же большую часть времени были вынуждены проводить *под*. И уж когда им доводилось выныривать — на поверхность, под обжигающие лучи софитов, в сумрак развращенного нынешней жарой зала, — отдавали зрителю всё что могли: ловкость и гибкость тренированных тел, неизбывный запал немецкого романтизма, дисциплинированную радость философского осмысления действительности в рамках заданной режиссером программы, наконец.

Казалось, под работу была подведена настолько мощная спортивно-практическая база, столько мела было изведено на расчерчивание мизансцен, столько зарядов из стартового пистолета выпущено, что игре места уже не хватило. А может быть, место и было, да сил не осталось. Глядя на немецких актеров, думалось, что и впрямь игра — тяжелый труд, безрадостный, каторжный, безвдохновенный. Ну разве что на репетициях бывает интересно. То есть на тренировках.

Петр БАРБАРИСОВ